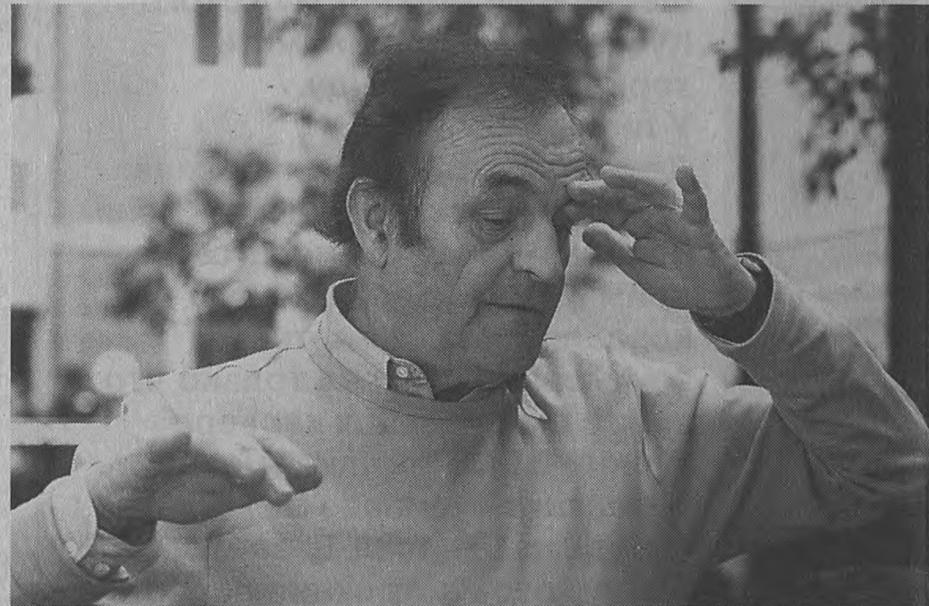


# “готов давать в Москве концерты бесплатно, поселиться в квартире месяцев на пять и учить русский”

Шарль Дютуа — Газете

**Шарль Дютуа**, дирижер с мировой известностью, входящий в узкий круг крупнейших фигур музыкального истеблишмента, впервые выступил в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии со своим оркестром японского радио и телевидения NHK. Сегодня оркестр дает концерт в Москве, в БЗК. С маэстро Дютуа встретилась **Гюляра Садых-заде**.



**Шарль Дютуа: «Тридцать семь лет быть главным дирижером — этого более чем достаточно. Хочется свободы»** Фотограф: Михаил Разуваев/Газета

**Вы приехали в Петербург два дня назад и уже успели съездить в Выборг.** Дело в том, что я немного знаю Петербург; это не первый мой визит. Я бывал здесь еще в советские времена, когда работал неподалеку, в Скандинавии. Помню, впервые я приехал в Петербург в середине зимы: всюду лежал снег, было ужасно холодно и темно. Потом я приезжал в 1991 году, а последний раз был в 1999 году по специальному делу. Японское телевидение NHK затеяло цикл просветительских фильмов о музыкальных столицах мира, и Петербург оказался первым в этом ряду. Всего было снято десять фильмов: о Венеции времен Марко Поло и Вивальди, о Вене, Токио, Нью-Йорке, Будапеште, Берлине, Париже. Париж связали с Петербургом темой Дягилева и его «Русских сезонов». Так я оказался в Петербурге: мы снимали около «Медного всадника» Фальконе, вспоминали Пушкина, историю Петербурга, рассказывали о петербургских музеях.

**Известно, что Япония с середины шестидесятых годов переживает настоящий бум классической музыки. Особенно трепетно там относятся к русской музыке и к русским музыкантам. Не могли бы вы провести параллель: каковы различия в менталитете японских и европейских музыкантов?** Японские оркестранты — впрочем, как и китаянские, и корейские — очень талантливы и фантастически восприимчивы. Они неве-

роятно быстро освоились в европейской культуре. Но, может, оттого, что начинали они как бы с чистого листа, не склонны к рефлексии по поводу многовекового музыкального опыта. Оттого все у них получается легко и просто. Европейцы относятся к своему наследию совсем иначе: осознают, что за их плечами традиции многих поколений. На этой почве у них развиваются разнообразные комплексы, и оттого с ними работать сложнее. Они просто более изощренны. Япония, открывшись мировой культуре на встречу, вначале находилась под мощным влиянием немецкой музыки. «Берлин», «Вена» — само звучание этих слов до сих пор порождает у японских музыкантов священный трепет. Новое поколение азиатских музыкантов больше тяготеет уже к музыкальной культуре США. Потому что многие там учились.

**В концерте вы исполняете «Церемониал» Такемицу с солирующим японским инструментом шо. Как выглядит шо, какой у него звук? Не заглушает ли его симфонический оркестр?** Шо выглядит как маленький «губной» орган: бамбуковые трубки составлены в ряд наподобие труб органа, только они гораздо меньше. В бамбуковых стеблях есть прорези, и в них дует исполнительница, держа трубки перед лицом. Так что лицо ее полностью скрыто от зала; кажется, будто она держит перед собою веер.

Оркестр шо не заглушает. Потому что шо и оркестр звучат попеременно. Начинается пьеса с соло шо, потом идет оркестровая интродукция, а затем группы инструментов, расположенные в разных концах зала, на хорах, подают свои голоса. В конце оркестр постепенно затихает, и вновь звучит соло шо.

**Вы по рождению швейцарец, с французскими корнями из Лозанны. Начинали в Лозанне и Женеве, дебютировали в Тонхалле, Цюрихе. Затем ваша карьера географически развивалась как бы по двум направлениям — в сторону Азии и в сторону Нового Света. Расскажите о втором направлении вашей дирижерской деятельности.**

За тридцать семь лет моей карьеры я занимал в общей сложности всего четыре крупные позиции, это не так уж много. Двадцать пять лет я проработал в Монреальском симфоническом оркестром. Двадцать лет занимал летним фестивалем в Нью-Йорке, в Саратоге с Филадельфийским оркестром. Одиннадцать лет, с 1990-го по 2001 год, занимал пост music-director Французского национального оркестра в Париже. Семь сезонов работаю с оркестром NHK, причем пять из них в качестве главного дирижера. Этот сезон в NHK — последний. С будущего года я останусь в оркестре лишь как почетный music-director — есть такая позиция, она принята во всем мире. И тогда мне не придется проводить с японским оркестром слишком много времени: лишь один месяц в году. Но мои отношения с японским оркестром и с Японией, естественно, сохраняются. Как-никак я проработал там в общей сложности тридцать лет, со многими оркестрами и со многими японскими музыкантами. Это вторая страна в моей жизни, с которой я сроднился.

Когда я поехал совсем молодым работать в Канаду, мы с Монреальским оркестром — тогда он не был так известен, как сейчас, — активно записывали музыку самого разного плана. В своей жизни я записал около ста восьмидесяти пяти дисков и пластинок. Из них девяносто — с Монреальским оркестром. И записывание музыки всегда было очень важным направлением моей деятельности. Я сотрудничал практически со всеми крупными звукозаписывающими фирмами мира: с Decca, Philips, Deutsche Grammophon.

В последние годы я обычно по пять месяцев в сезон гастролирую по Америке, выступая с двенадцатью лучшими оркестрами США: с Чикагским, Нью-Йоркским, Бостонским, Филадельфийским, Кливлендским, Питтсбургским. А когда я был моложе, то больше работал в Европе, особенно в Германии и Англии. Сейчас — больше в Америке и Японии.

**Вы не хотите вновь возглавить какой-нибудь оркестр?** Нет, с меня довольно. Тридцать семь лет быть главным дирижером — этого более чем достаточно. Хочется свободы, хочется

располагать своим временем. В последние пятнадцать лет на меня буквально сыплются предложения выступить с концертами. И до недавнего времени я был вынужден многим отказывать: у меня просто не было времени гастролировать самостоятельно. До сих пор я даю в год около ста пятидесяти концертов — это очень много. Выступая и с оркестром Берлинской филармонии, и с Амстердамским Концертгебау, недавно выступал с оркестром La Scala с оркестром Metropolitan Opera. Словом, я хочу наконец обрести возможность говорить «да», когда ко мне обращаются с интересным предложением.

**У вас есть опыт работы в опере?** Пока нет. Ведь чтобы подготовить премьеру, нужно как минимум три недели репетиций, столько я никогда не мог выкроить. Надеюсь наверстать упущенное в будущем, хотя Scala сейчас закрылась на реконструкцию.

**К сожалению, Марта Аргерих, заявленная в афише, не придет. Вас связывают с ней многолетние отношения, творческие и личные. У вас даже есть общие дети. Не могли бы вы рассказать об истории этих отношений?**

Мы были женаты, давно. Она была моей первой солисткой. Мы познакомились в Женеве, когда учились там в консерватории, в 1958 году. И она играла в моем дипломном выпускном концерте. Мы были знакомы с ней десять лет, выступали вместе, но поженились только в 1969 году, в Монтевидео. В октябре 1970 года у нас родилась дочка. Развелись мы спустя пять лет, в 1975 году. Но нас связывает до сих пор очень многое. Мы по-прежнему часто выступаем вместе, играли с ней везде, по всему миру. Много записывались. У нас очень хорошие отношения. Марта не приезжала в Америку много лет. Наконец приехала, потому что я попросил.

К сожалению, она сейчас очень больна. У нее меланхома. Она собиралась приехать в Петербург, честно. Перед поездкой прошла обследование, и врачи сказали, что все в порядке, можно ехать. Но потом ее исследовали другим прибором, более точно, и обнаружили неполадки с желудком и со всем пищеварительным трактом. Тут же положили в госпиталь, провели ядерно-магнитный резонанс, что-то она там пила, какую-то жидкость, окрашивающую кровь. В общем, пришлось поездку отменить. Никогда раньше она не отменяла концертов, если выступала со мной. Но тут... Помните, она очень нервничает: недавно ее друг умер от рака, и она боится. А нам ведь предстояло большое турне: не только Петербург и Москва, но и по Европе... Но ничего; я считаю, она должна концерт мне и Петербургу. Так что мы обязательно приедем сюда еще раз.

**Вы получили две премии Grammy за ваши записи. За какие именно?** За «Троянцев» Берлиоза — огромный труд, вы видели эти партитуры громадные? Вто-

рую премию я получил за запись фортепьянных концертов Прокофьева и Бартока с Мартой. А вообще-то у меня всего сорок семь наград за записи, большинство — за записи с Монреальским оркестром.

**С кем из русских дирижеров вы общаетесь?** Со многими. Гergieв — мой большой друг. С Марисом Янсонсом у нас давнишние, очень теплые отношения. Впервые мы встретились, когда оба работали в Скандинавии. Саймон Рэттл был в Бирмингеме, я — в Монреале и он — в Осло. Мы были примерно одного возраста, принадлежали к поколению дирижеров, следующих за Караяном, за Шолти. Занимали вторые позиции, мечтали выбраться на первые. И посмотрите: Рэттл сейчас в Берлине, Янсонс скоро приступит к работе с оркестром Концертгебау в Амстердаме. Еще я знаком с Темиркановым. Мы, правда, редко встречаемся: я приезжаю — он уезжает, никак не можем совпасть в одном месте в одно время. Знаком я и с Синайским, и с Рождественским, конечно. С Ростроповичем: Слава — чудо! Вообще я знаю многих хороших русских исполнителей: Венгеров, Вадим Репин, с ним дружу.

**Очень многие русские музыканты, гастролировавшие в Японии, в самых лестных выражениях отзываются об акустике японских концертных залов. Как японские строители добиваются идеальной акустики?**

У них действительно работают хорошие акустики. И самый знаменитый — человек с фамилией Тойота, как у марки машины. Есть школа акустики, в ней готовят специалистов. Но самый большой секрет японцев — в том, что их концертные залы не слишком велики, рассчитаны обычно на несколько сотен, максимум на две тысячи кресел. А в Америке обычными стали залы на двадцать—тридцать тысяч. Я считаю, Японии повезло. Обычно на открытие нового зала приглашают меня.

**Как случилось, что вы не выступали в России раньше?** Я собирался несколько раз. В советское время уже была назначена дата концерта. Но тут случилось событие в Чехословакии, и концерт отменили. Каждый раз что-то случалось. Я знаю и люблю Россию. Бывал и в Магадане, и во Владивостоке, и в Сибири, и в Иркутске, и на Камчатке. И в Москве бывал. Но больше всего мне нравится здесь, в Петербурге. Я обожаю русскую музыку и литературу девятнадцатого века. Читал и Пушкина, и Гоголя, и Достоевского. Но, хотя я знаю много языков, русский так и не овладел и очень этим огорчаюсь. Хочу научиться. Я даже как-то раз сказал о своем желании Дмитрию Ситковецкому. Сказал: «Я готов давать в Москве концерты бесплатно, поселиться в квартире месяцев на пять и учить русский». Я не шучу, это действительно мое серьезное намерение.